

Её звали Мила, она жила в моём подъезде этажом выше. В детстве мы часто играли вместе во дворе, а в школе учились в одном классе. Потом, в тринадцать лет, у Милы обнаружили психические способности, и она ушла из нашей школы, начав учиться в какой-то спецшколе для одарённых девчонок.

Надо сказать, что у девочек психические способности пробуждались почему-то позже, чем у мальчиков, у них это происходило в девять-четырнадцать лет. И их обычно не забирали в специнтернаты, а просто переводили в специальную школу, если она была в том городе, в котором они жили. Почему так, для меня до сих пор остаётся загадкой. Может быть, потому, что девочек было в два раза больше мальчиков, а может, были и другие причины.

Мне было уже пятнадцать. В один из осенних дней сентября я вышел из своего подъезда и направился в сторону нашего РАРКа5. Можно было доехать туда и на ОМ6, но мне больше нравилось ходить туда через парк, тем более что и идти то было всего минут двадцать.

Особых планов у меня не было, я как раз раздумывал, сходить ли мне в кино или поехать дальше на метро и послоняться по центру.

Погода стояла тёплой, ясной и солнечной, какая обычно бывает только бабьим летом. Народу было мало, я шел по широкой центральной аллее, думая о своём и мало замечая происходящее вокруг.

Но вдруг мой взгляд зацепился за женский силуэт.

Мне навстречу шла потрясающе красивая девушка с роскошными длинными волосами светло-рыжего оттенка. Они лежали волнами на её плечах, и лёгкий ветер чуть покачивал их, создавая феерическое впечатление. Остальное у неё тоже было на уровне. Красивая тёмно-красная форма, явно пошита по самой последней моде, туго обтягивала её грудь, заставляя зрителей нервно сглатывать, а короткая серая плиссированная юбка нисколько не скрывала её аппетитных ножек в белых чулках. Я остановился и стал любоваться этим чудесным зрелищем.

В этот момент девушка обернулась и сказала:

- Привет, Серёга! Давно не виделись!

Я перевёл взгляд на её лицо и понял, что я её знаю. Это была Мила! Девчонка из моего подъезда. Но как она изменилась! Я помнил её нескладной пацанкой с вечно растрёпанными рыжими космами и вспыльчивым драчливым характером. Но теперь она стала совершенно другой!

- Привет! - сказал я в ответ, почти открыто любуясь её фигурой.

Мила нисколько не смутилась, а как мне показалось, даже довольно сверкнула глазами.

- Как дела? Как учёба? - поинтересовалась она.

- Да так, неплохо, учусь потихоньку. А ты как?

- О! У меня всё отлично! - ответила она гордо. - Я столько всего выучила! Ты не

представляешь!

- Да? Ну, покажи хоть что-нибудь!

- Без проблем! - победно улыбнулась Мила, и в её красивых карих глазах заплясали маленькие огненные звёздочки, что обычно являлось признаком веселья или предвещало какую-то безумную проделку. - Смотри!

Она вытянула руки вперёд, ладонями вверх, и через секунду над ними появились четыре светящихся шарика, закружившиеся в сложном красивом танце.

Точно такое упражнение я делал ещё четыре года назад, когда мне было одиннадцать, и это для меня был давно пройденный этап. Разочарование, похоже, слишком явно отразилось на моём лице. Мила тут же сбилась, огоньки на секунду замерли, но почти сразу вновь возобновили свой танец, и всё же она упустила один из них, замигавший и почти сразу исчезнувший.

И мне, и ей стало ясно, что демонстрация успехов не удалась.

Мила прикусила губу, что она делала почти всегда, когда злилась.

- Неплохо! Очень неплохо! - всё же решил поддержать её я. - Только нужно было немного получше концентрироваться.

- Ха! Да что ты вообще в этом понимаешь! Ты же не псимаг! - ответила она со злостью.

- Ну, может, и так, но книг по псимагии я прочёл столько, сколько ты точно за два года не прочитала!

- Да? И что же там написано на этот счёт?

- Во-первых, во время подобных упражнений нельзя отвлекаться на посторонние раздражители. Во-вторых, нужно дышать глубоко и ровно, как будто ты медитируешь или расслабляешься. И наконец, нельзя напрягаться, всё должно идти плавно, как будто само собой. Попробуй! У тебя наверняка получится! Только давай найдём более тихое место.

Я огляделся и мотнул головой в сторону боковой аллеи с лавочками. Мила зло сверкнула глазами, но говорить ничего не стала, молча отправившись в ту сторону.

Она села на ближайшую лавку и, посмотрев на меня, снова попыталась создать танцующие огоньки. И конечно же у неё ничегошеньки не получилось. Огоньки появились и почти сразу пропали.

- Фигня эти твои советы! - заключила она, намереваясь встать.

- Конечно, - подтвердил я, - ты же ни одного не выполнила!

- Как это?..

- А так! Ты отвлекаешься на меня, дышишь неровно и дергаешься, пытаешься управлять каждым огоньком по отдельности!

Это её немного отрезвило, она снова села и, пытливым взглядом посмотрев на меня, спросила:

- И что мне делать?

Я зашел за лавку, встав у неё за спиной, и сказал:

- Ну вот, теперь ты не будешь на меня отвлекаться. Сядь поудобнее, твоя поза слишком напряжена. Расслабься! Представь, что ты сидишь в удобном кресле, а не на жесткой лавке! Теперь, начинай дышать! Медленнее, ещё медленнее... спокойнее... вот так! Сейчас я замолчу, а ты начинай.

Мила выполнила всё, что я сказал, и над её руками заплясали не четыре, а пять огоньков. Они кружились по кругу, поднимаясь всё выше и выше, а потом ныряли вниз, начиная всё с начала. Вот теперь всё было совершенно правильно.

- Ух ты! Не может быть! - с придыханием проговорила она. - У меня никогда так легко не получалось раньше!

- Это потому, что ты делала всё неправильно! - утвердительно заключил я. - Если внутренне напрягаться, то ничего путного не получится!

Я снова обошел лавку и сел рядом с ней. Мила чуть повернула голову, но потом восстановила концентрацию и снова стала смотреть вперед.

Я сидел рядом с ней и любовался тем, что она делает. Её аура сияла торжеством и уверенностью, а лёгкий ветерок донёс до меня мягкий запах её духов. Я вдохнул его, и у меня немного закружилась голова, а сердце забилось чуть быстрее.

- Ну, хватит, - сказала она минут через пять. Мила никогда не отличалась большим терпением. - Может, пойдём съедим по мороженому?

- Давай!

Мы встали и отправились к ближайшей палатке у метро. По дороге разговаривая о всяких пустяках, а потом уселись на лавочку рядом с киоском, в сквере, и её вдруг, прорвало.

- Знаешь, мне так всё надоело! - воскликнула она в сердцах. - Ну почему мой дар пробудился так поздно! Ты знаешь, меня сначала засунули в группу с десяти-одиннадцатилетками! Эти дурочки смеялись надо мной, потому что у меня есть грудь! Представляешь! Они дразнили меня дылдой!

- Но теперь ты ведь уже в другой группе? - спросил я, пытаюсь её успокоить.

- Теперь, да! Но, ты знаешь, чего мне это стоило? Я занималась, как проклятая, с утра до вечера! Да и эта группа... там почти одни дворянки! Они вообще со мной разговаривать не хотят! Всё нос воротят, как будто я чем-то хуже их!

- Что, неужели нет никого попроще?

- Ну есть, есть там пара девчонок, с которыми я подружилась, но и они тоже не фонтан...

- А старые подружки? Ты же, помнится, со многими дружила в классе!

- Ты смеёшься? Они мне так завидуют, что аж противно!

- Даа... понятно... - протянул я.

В этот момент у Милы в кармане запел ликом⁷. Она вытащила его и ответила на вызов.

- Ну ладно, мне пора! - сказала она, закончив разговор. - Меня уже мама ждёт, я обещала пройтись с ней по магазинам.

- Ну, пока! - воскликнул я, улыбнувшись и помахав рукой. - Не забывай моих советов, и у тебя всё получится!

- Обязательно! - прокричала она уже на бегу.

* * *

Буквально через три дня Мила снова объявилась в моей жизни.

Я сидел и смотрел по тривизору сериал о войне с феминистками САФР⁸ случившейся больше ста лет назад в середине восьмидесятых.

Сериал был старый, и, как говорили, изначально планировавшийся как сериал о Его Светлости Дмитрие Георгиевиче Михайлове⁹. Но, после того как он высказал своё неудовольствие таким раздуванием культа его персоны, сценарий переписали, и вместо «Рождения Русского Медведя» переименовали в «Защитницы Родины».

Сериал был довольно длинным и начинался ещё с конфликта между Россией и Японией за Курилы и Сахалин, затем переросшем в настоящую войну.

Феминистки тогда здорово нам подгадили, вступив в войну на стороне Японского Сёгуната в тот момент, когда Россия уже начала одерживать верх. Вероломное нападение было как раз в их стиле. Через несколько порталов были переброшены значительные силы и оккупирована большая часть страны. Только один Екатеринбургский гарнизон держался, потому что Дмитрий Михайлов, тогда, всего лишь капитан исследовательского отдела Екатеринбургского военного гарнизона, создал первый защитный купол, чуть не убив себя при этом от напряжения, но став Супером¹⁰.

Он поддерживал купол только своими силами в течение года, не позволяя захватить этот последний серьёзный опорный пункт сопротивления. Всё это время, его лаборатория исследовала этот феномен, и в результате, были подняты защитные купола над Москвой, Киевом, Новосибирском и Омском. С этого и началось изгнание феминистских захватчиц. Самым грустным моментом войны являлась потеря Курил, Сахалина и половины Приморья. Их пришлось отдать японцам за заключение мира и выход их из коалиции с феминистками.

Я как раз смотрел, как недавно избранный Император Дмитрий Первый¹¹ с сожалением подписывает мирный договор с Японией и говорит свой исторический монолог о том, что

другого выхода у России сейчас нет...

И в этот момент раздался звонок в дверь.

Оторвавшись от фильма я пошел открывать дверь, мысленно проклиная того, кто припёрся так невовремя.

На пороге стояла Мила, переминающаяся с ноги на ногу. На губах её играла жалобная улыбка. Она как-то робко посмотрела мне в глаза и спросила:

- Можно войти?

Я посторонился и сказал:

- Конечно! Заходи!

Моё раздражение как-то само собой пропало, сменившись удивлением.

Мила прошмыгнула в прихожую, я закрыл дверь и стал ждать, что она скажет.

- Серёж, знаешь, ты, конечно, не обязан, но у тебя так здорово получается... - сумбурно выпалила она. - В общем, ты не мог бы мне помочь ещё разок, а?

Я посмотрел на неё и улыбнулся. Вид у неё был, как у потерянного щенка, стоящего на тротуаре и заглядывающего в глаза каждому прохожему. Одета она была в простое, но изящное бело-голубое короткое платье, сидевшее на ней просто отлично. Я залюбовался ею, и сказал:

- Нет проблем! Конечно! Ты проходи, разувайся. А что случилось?

Мила скинула свои белые туфельки, переобувшись в поданные гостевые тапочки, и прошла в мою комнату.

Там она подошла к журнальному столику, сделала лёгкий жест, как будто доставая что-то, и вывалила из появившегося в её руке мешочка на столик кучку небольших кубиков. Кубики запрыгали по столешнице, рассыпаясь в разные стороны, а пара штук умудрилась даже свалиться на пол. На каждой грани кубика был нарисован его порядковый номер. Номера шли от одного до тридцати.

«Всё ясно», - подумал я. - «Похоже, ей дали следующее задание на концентрацию».

- Вот, - проговорила она, вздыхая. - Классная дама дала их мне, сказав, что теперь мне нужно научиться поднимать их. А тренировки с огоньками для меня уже слишком простые!

- И как твои успехи? - поинтересовался я нейтральным тоном, с сожалением выключая тривизор.

- А вот как! - зло воскликнула Мила, и пять кубиков подпрыгнули над столом. - Всего пять, понимаешь! А нужно, чтобы хотя бы половина! А лучше двадцать или даже двадцать пять!

- Ладно-ладно, успокойся! Не всё так страшно! Тебе объяснили, что нужно делать?

- Да это даже в учебнике написано! Так она мне сказала! Ну, прочитала я этот параграф! А толку? Всё равно ничего у меня не получается!!!

Мила уселась на кровать, закрыла лицо руками и стала явственно всхлипывать.

- Что мне делать? Подскажи, а? Ты же умный! И в псимагии отлично разбираешься! Помоги, пожалуйста!!!

Я вздохнул, успокаивать женские истерики я никогда не любил, хотя, имея двух младших сестёр, избежать этого мне никогда не удавалось. Пришлось браться за дело.

- Ну-ну... - ласково протянул я. - Ну, не расстраивайся ты так... я тебе помогу! Обязательно помогу, только тебе нужно успокоиться... Хочешь, я воды принесу?

- Нет, не надо... я сама... - Мила ещё пару раз всхлипнула, а потом спросила с явственной надеждой в голосе: - Ты правда знаешь, что надо делать?

- Знаю, конечно, знаю! - я вложил в свой голос максимум уверенности. - Только ты должна делать всё так, как я тебе скажу! Поняла?

- Да, да, конечно! Я буду очень стараться! - в голосе Милы, наконец-то, прорезалась надежда.

Остальное было просто делом техники. Я сам делал то же самое, так что точно знал, что нужно не пытаться поднимать эти кубики по одному, а связать их все общей структурой, и поднимать уже саму структуру, а не каждый по отдельности.

На то, чтобы объяснить это Миле, у меня ушли следующие три часа. Я весь вспотел и измучился, она ну никак не желала понимать, что от неё требуется. Но, в конце концов, мне удалось заставить её связать три кубика и поднять их вместе. Дальше стало проще. Мила привязывала к получившейся структуре по одному кубику, поднимала их и радовалась успеху, как маленькая девочка.

Остановилась она на одиннадцати кубиках, когда в комнату в очередной раз зашла моя мама и позвала нас пить чай с пирогом. Мила тут же воспользовалась этим предложением, чтобы передохнуть. Она здорово устала за это время, наверное, даже больше, чем я.

Мы сидели на кухне, и Мила за обе щёки уплетала бабушкин пирог. Пирог был вкусный, свежее испечённый, с малиновым вареньем из бабушкиных «стратегических запасов».

С чего это бабушка решила их использовать на простой пирог, я не понимал. Но это нисколько не мешало мне есть вот уже третий кусок.

Мама с бабушкой наперебой расспрашивали Милу о разных пустяках. Об учёбе, о

родителях и тому подобном. Каждый раз они ахали и охали, расхваливая её на разные лады. Новость о том, что я помогаю Миле с её занятиями, очень их удивила, и хотя про меня было сказано, что я редкостный оболтус, но если я и правда помог такой умной девочке, то они этому очень рады. И очень хорошо, что от моего изучения псимагии, есть хоть какой-то толк.

В конце концов, Мила встала из-за стола, поблагодарила моих предков, и мы продолжили наши занятия. Сил у Милы прибавилось, так что она сумела поднять пятнадцать кубиков одновременно. На этом мы решили прерваться, продолжив завтра.

Мила была так рада своим успехам, что предложила мне прогуляться, на что я, конечно же, тут же согласился. Мы прошли по парку до нашего РАРКа, заглянули в небольшое уютное кафе и выпили там по чашке кофе. Всё это время мы болтали о разной ерунде. Мила рассказывала про свою жизнь, я слушал, иногда давал глубокомысленные советы, ну и тому подобное. Расстались мы поздно вечером.

С тех пор так и пошло. Мила приходила ко мне со всеми своими проблемами, я помогал ей, фактически, став её личным тренером по псимагии. Я стал часто бывать у неё дома, а она часто засиживалась у меня допоздна. Мы не только вместе занимались, но и вместе гуляли, и даже несколько раз сходили в кино.

Первая картина, на которую мы пошли, называлась «Сияющий снег». Это была историческая военная драма о событиях столетней давности. Тогда произошло редчайшее событие — сильнейший за всю историю псимагический гейзер забил в Карелии, практически на границе между Скандией и Россией. Сканды конечно же до сих пор твердят что он был расположен на их территории, а не на нашей. Но мы то знаем правду! Гейзер был нашим, и это сканды вероломно напали на нас, пытаясь установить над ним контроль.

Конечно же, главной героиней фильма была полковница Наталья Воронцова. Она тогда была всего лишь капитаной и первая приняла бой с превосходящими силами скандов. В результате, она чуть не погибла, а от её подразделения осталось не больше трети личного состава. Жаль, что кончилось всё тем, что гейзер вышел из под контроля и затопил всё вокруг бушующей энергией, создавая карельскую зону с нестабильным псимагическим фоном. Теперь там никто не живёт, кроме трансформированных под действием псимагии существ.

Мне картина понравилась, а вот Мила сказала, что лучше бы там было поменьше батальных сцен и побольше про отношения княгини Воронцовой со своим мужем графом Родионом Смирницким, а ещё лучше если бы показали и то, как за ней ухаживал Дмитрий Михайлов. Я ей возразил, что фильм вовсе не о любви, а о войне и в результате мы немного поспорили. В конце концов, я, чтобы закончить этот глупый спор, сказал ей, что в следующий раз, если она так хочет, мы сходим на что-нибудь романтическое, что ей больше нравится.

На том мы и порешили, хотя она и подулась на меня немного, но после того, как мы выпили по чашке кофе с мороженым, настроение её пришло в норму.

В следующий раз мы сходили на романтическую комедию «Нелёгкий Выбор» про

молодого графа выбиравшего себе невесту из пяти кандидаток, а, в результате, женившемся на своей личной служанке. А затем на историческую мелодраму о любви между молодой семнадцатилетней наследной принцессой Германии Фредерикой и тридцатилетним кронпринцем Австрии Карлом Дитрихом Вольфом за полгода до того ставшим Супером и потерявшим всю семью, убитую во время последней попытки вампирского восстания в Силезии. Эта история тридцатипятилетней давности была слезливой до невозможности и как писали критики, совершенно далёкой от исторической реальности. Но Миле она ужасно понравилась, так что и мне пришлось сдержано её похвалить.

Зачем я это сделал, я и сам не очень понял. Просто не хотелось с ней ссориться, а это неминуемо бы произошло, если бы я ударился в критику.

Моя мама всегда радовалась появлению Милы у нас, а бабушка так и вовсе всё время предлагала ей что-нибудь вкусное. И обе они всё время её хвалили. Мне это даже стало надоедать, потому что в мой адрес ничего лучше "оболтус" никогда не звучало. Единственное, что мне говорили, что раз уж мы с Милой так хорошо поладили, то я не должен упустить такую хорошую и перспективную девушку.

Для меня это звучало как-то совершенно глупо, потому что девушек вокруг был просто вагон и маленькая тележка. Практически любая девчонка из нашего класса, дай я ей хоть намёк на то, что она мне нравится, была бы на седьмом небе от счастья и побежала бы за мной хоть на край света.

Но через какое-то время я понял, в чём тут дело. Мила была псимагиней, и после совершеннолетия она, через несколько лет, практически гарантированно получит дворянство, да к тому же её отец был очень хорошим архитектором, и хотя их семья всегда жила скромно, зарабатывал он, по маминым меркам, весьма и весьма прилично.

Но мне, в отличие от мамы и бабушки, на всё это было наплевать. Мне просто было хорошо с ней, а остальное меня мало интересовало.

Перед Новым Годом отец Милы подарил ей билеты на экскурсию по Василисиной Башне и она пригласила меня пойти с ней. Я конечно же согласился.

Экскурсия оказалась просто потрясающей! Нам рассказали о том, как взамен старой древней уже разваливающейся Останкинской Телебашни было принято решение построить новую с использованием самых последних лучших примагических технологий облегчения веса и увеличения прочности конструкций. Что в Императорском Совете было много споров о необходимости этого проекта, о его невероятной стоимости и огромной технической сложности.

Точку в спорах поставила тогдашняя Императрица Василиса Первая, сказавшая, что России нужен символ её величия и Останкинская Башня, названная в последствии «Василисина», как нельзя лучше подходит для этого.

Строительство продолжалось долгие восемь лет, с 154 по 162 годы¹². Мы посмотрели голограмму с его этапами, сопровождаемую пояснениями экскурсовода о сложностях возникших во время возведения этой постройки.

В результате, сейчас мы имеем вместо старинной отжившей свой век конструкции современную 274-х этажную башню, возвышающуюся на 768 метров над уровнем земли, ставшую бизнес и развлекательным комплексом, посмотреть на который приезжают туристы со всего мира.

Экскурсия завершилась на обзорной площадке на самом последнем этаже. С этого места можно было увидеть всю Москву и даже разглядеть Царьградский Силовой Купол на юго-западе.

Москва была красива. Из зелёного моря парков и скверов, как скалы возвышались домовые комплексы и районные административные центры, а исторический центр города смотрелся большим островом в этом море зелени плескавшемся до самого горизонта.

На уроках Москововедения нам рассказывали, что до Катастрофы Москва была больше похожа на огромный муравейник, чем на город в котором приятно жить его жителям. Что в ней умещалось просто невероятное количество людей, до пятнадцати миллионов!

Сейчас же в городе живёт меньше пяти миллионов человек и ещё пара десятков тысяч приезжих. Большая часть старых домов была снесена, индустриальные предприятия вынесены за черту города, а на их месте разбиты парки и созданы лесопарковые зоны.

Жилые районы теперь имели радиальную структуру, с расположенными вокруг РАРКов пятью-шестью домовыми комплексами из трёх-пяти высотных домов с детским садом, школой и поликлиникой в центре комплекса.

Центральные административно-развлекательные комплексы были связаны друг с другом порталами метро¹³ и время затрачиваемое для того чтобы добраться из одного конца города в другой исчисляется всего полчаса. Что очень удобно для жителей.

Всё это всплыло в моей памяти, пока экскурсовод показывала нам где что расположено внизу.

Потом мы с Милой стояли у самого края смотровой площадки любуясь лентой Москва-реки сияющей в лучах послеполуденного солнца. Это зрелище так захватило нас, что как-то так само собой получилось, что я встал практически вплотную к Миле. Я почувствовал тепло её тела и мне даже захотелось её обнять, но я так и не решился.

Так мы простояли долгих несколько минут, пока нас не позвала экскурсовод. Как оказалось, экскурсия уже закончилась и мы остались на площадке одни.

Всю дорогу назад никто из нас не вспоминал об этом эпизоде, как будто его и не было. Мы делились впечатлениями, смеялись и наперебой рассказывали то, что запомнили.

На Новый Год Мила с родителями уехала кататься на горных лыжах в Швейцарское Княжество, и я затосковал. Сначала я даже и не понял, чего же мне не хватает, а потом меня осенило: Мне не хватало Её!

Может быть, это звучит глупо, но до этого момента я даже не догадывался, насколько к ней привязался. Ещё пару дней я ходил и размышлял, что же мне теперь делать. Потом взял свой ликом и позвонил ей. Сделал вид, что просто хочу её поздравить с Новым Годом и всё такое.

Мила приняла мой звонок с большим энтузиазмом. Я бы даже сказал, что она была мне рада намного больше, чем я ей. Это было ужасно приятно. Мы проговорили почти час, а потом пришла мама и сказала, что пора ложиться спать, так что пришлось заканчивать.

Я лёг в кровать и уже стал засыпать, как мне пришел Зов. До этого мне приходил Зов только от Дениса, но этот Зов был незнакомым, каким-то мягким, трепещущим и неуверенным. Я отозвался. Оказалось, что это Мила. Её Зов был неровным, мне даже показалось, что он сейчас прервётся.

В этот момент я себя чуть не выдал, попытавшись перетащить связь на себя, но Мила ничего не заметила. Похоже, что для неё было внове пользоваться телепатией. Мы проговорили ещё часа три. В конце концов, Мила сказала, что совсем-совсем устала и очень хочет спать. Время было что-то около двух ночи по Москве.

С этого дня ни одной ночи не проходило, чтобы мы не общались с помощью телепатии. Милин Зов становился увереннее и увереннее с каждым разом, так что под конец её поездки мы проговорили почти пять часов подряд. В каком-то смысле это был рекорд.

Нам так понравилось разговаривать перед сном, что, даже когда Мила вернулась, мы не бросили этого занятия. Возможно, дело было в том, что во время Зова твой собеседник может слышать не только твои слова, но также ощущать и твои чувства. Это было самое лучшее время в наших отношениях. Ни она, ни я не признавались друг другу в любви, но всё же между нами что-то определённо было.

Я стал гораздо чаще бывать у Милы. До этого по большей части она приходила ко мне, а теперь мы стали сидеть у неё. У неё была своя комната в такой же как у нас четырёхкомнатной квартире, что не удивительно, ведь она фактически жила прямо надо мной. Вот только обставлена она была совершенно по другому. Ну конечно, не совсем уж иначе, тривизор висел у нас на одном и том же месте на стене напротив кровати, но если у меня кроме простой кровати, письменного стола и пары шкафов в комнате ничего не было, то у Милы практически всё пространство было заставлено какими-то пуфиками, мягкими игрушками и тому подобной ерундой. Розовые занавески с рюшами и обои в таких же розовых тонах дополняли общую картину девичей спальни.

Ещё в углу у окна наличествовал мольберт с какими-то набросками, а справа от двери стояло настоящее древнее пианино! Мила, как оказалось, очень неплохо на нём играла.

Её мама всегда была мне рада, а младший брат постоянно приставал с чем-нибудь. Единственное, чего я не мог понять, как ко мне относится её отец. Его звали Николай Павлович, и он практически всегда был занят. Я постоянно видел его сидящим у компьютера с надетым обручем псиинтерфейса¹⁴. Мила говорила, что он всё время что-то проектирует.

Когда мы встречались, он здоровался со мной и шёл дальше. В его взгляде была какая-то холодность, и мне это было совершенно непонятно, ведь я был парнем, и мне казалось, что он должен был только радоваться тому, что я обратил внимание на его дочь. Тем более что никаких других подружек у меня не было. Мне даже пару раз ужасно хотелось покопаться у него в голове и выяснить, что же он всё-таки обо мне думает на самом деле, но каждый раз я себя останавливал. В конце концов, я на это дело плюнул. Не нравлюсь я Милиному отцу, ну и наплевать, главное, что я нравлюсь Миле, а с остальным мы как-нибудь разберёмся.

Но в начале февраля всё внезапно закончилось. Просто однажды Мила не послала мне Зов перед сном, я подумал, что, наверное, она устала, или ещё что-то подобное. Сам я, конечно, тоже мог с ней связаться, но это бы меня выдало. В общем, в эту ночь я проворочался в постели почти час, а потом всё-таки уснул. На следующий день Мила снова никак не дала о себе знать, и на душе у меня заскребли кошки.

Я позвонил ей через два дня. Она ответила, но сказала, что не может сейчас говорить, и положила трубку. С этого момента так стало постоянно. Я звонил, и каждый раз оказывалось, что ей то некогда, то она занята, то ещё что-нибудь. В конце концов, даже до такого тупицы, как я, дошло, что со мной общаться просто не желают.

Я прекратил звонки и несколько дней просто мучился, постоянно задавая себе один и тот же вопрос: "Что же случилось?" Но ответа так и не находил.

В конце концов, я решил поступить так, как нам советовали на уроках психологии в мужской школе¹⁵. Нужно просто набраться смелости и выяснить всё лично. Как нам говорил наш психолог-преподаватель: "Любой ответ, который вы получите, будет лучше неизвестности!" Придя из школы, я вышел во двор, сел на скамейку у подъезда и стал ждать Милу. Просидев примерно полчаса я совсем замёрз и решил прогуляться до ближайшего портала метро.

Я встретил её в парке по дороге к порталу. Она шла с парой своих подружек по школе. Увидев меня, Мила почему-то покраснела и стала смотреть в другую сторону, как бы меня не замечая. Может, этот номер и сработал бы пару недель назад, но не сейчас. Я подошел к ней и сказал:

- Привет!

Её подружки посмотрели на меня довольно холодно, а Мила почему-то промолчала.

- Кто это, Мил? Это что, тот простак, о котором ты говорила? - спросила одна из них.

- Н-нет... - замялась Мила. - Это просто мой бывший одноклассник.

Я слегка опешил, но потом всё же взял себя в руки и сказал:

- Мил, нам надо поговорить.

- Давай потом, а? - тут же ответила она. - Мне сейчас некогда, мы спешим.
- Разве? - спросила та же девочка.

У неё было противное, капризное лицо, похожее на кунью мордочку.

- Мы ведь просто хотели посидеть у тебя и попить чаю! Не волнуйся, мы тебя подождём. Да, Саша? - спросила она третью девочку.

- Конечно! - ответила Саша - Мне жутко интересно, о чём он будет с тобой говорить. Наверное, о чём-то очень важном!

Мила как-то сникла, а затем грубо сказала:

- Ну хорошо, говори, чего ты хочешь?
- Давай не здесь, - сказал я, бросив красноречивый взгляд на её подружек. - Отойдём вон туда! - и я показал на заснеженную дорожку, ведущую вглубь парка.

Мила кивнула, вздохнула и пошла за мной. Девушки остались стоять, заинтересованно смотря в нашу сторону. Мы прошли метров десять, после чего я обернулся и сказал:

- Мил, что случилось? Ты не звонишь мне и не присылаешь Зов. Когда я звоню, ты вечно занята. Мил, я тебя чем-то обидел?

- Нет-нет... Всё нормально! Просто я в последнее время действительно очень занята, нам много задают, и я... - она замолчала, лихорадочно пытаясь придумать ещё какие-то отговорки.

- Мил, раньше ты всегда приходила ко мне, если у тебя что-то не получалось, а теперь ты про меня как будто забыла. Но это всё неважно! Знаешь, я не говорил тебе этого раньше, но ты... ты мне очень нравишься!!!

- Мила, я тебя люблю! Давай встречаться! - выпалил я на одном дыхании.

Наверное, от волнения, я сказал это слишком громко. Так как, после этого я услышал, как её подружки противно захихикали, а та, что с куньей мордочкой, сказала громко:

- Это всё-таки он! Ха-ха-ха!

Мила посмотрела на меня, потом на них, лицо её стало как будто каменным и холодным, каким я его никогда ещё не видел. И она сказала:

- НЕТ. Я тебя не люблю! Уходи!

- Ноо... Почему? Мил, нам ведь было так хорошо вместе? ПОЧЕМУ? - в моей душе творилось просто что-то невообразимое.

- Потому!!! - воскликнула зло она. - Ты мне противен, дурак!!! Ненавижу тебя!!! Уходи!!! Меня вообще не интересуют простаки!!!

- Что?.. - спросил я совершенно растерянно.

Последняя её фраза оказалась просто ошеломляющей.

- Что слышал!!!

В следующий момент у меня в голове зашумело, как будто меня стукнули чем-то тяжелым. Я как будто раздвоился. Одна часть меня вся кипела от обиды, злости, ярости и недоумения, а вторая была абсолютно спокойна. Я посмотрел на Милу, и мне ужасно захотелось узнать, неужели она и правда так думает. И тогда я не выдержал. Псимагия во мне закипела, переливаясь через край, и я нанёс ей псионический удар.

Её простенькая защита слетела, как слетает со скамейки старая газета под порывом сильного ветра. Я просканировал её сознание и увидел там такую картину:

Несколько девочек стояли в классе, и одна из них, с куньей мордочкой, говорила:

- Влюбиться в простака? Это надо просто ума лишиться! Они же просто животные!
- Всю жизнь прожить с простачком? Да это надо быть просто полной дурой! Нам ведь не по сорок лет! - поддержала первую вторая её подружка.
- Да-да... - воскликнули другие девочки. - Эти простофили, да кому они нужны! Вокруг столько красивых молодых дворян!

Дальше я смотреть не стал. Меня всего просто заколотило. «Значит, вот в чём дело! Я не псимаг, не дворянин, значит, об меня теперь можно ноги вытирать?»

Медленно я осмотрелся вокруг. То, что вскипело во мне в первый раз, оказалось просто мелкой рябью на воде, теперь же во мне поднялся настоящий девятый вал, он выплеснул наружу Силу, затопившую всё окружающее пространство.

Практически против моей воли, все скамейки и урны в радиусе двадцати метров подпрыгнули в воздух. Мила смотрела на меня широко открытыми глазами и пыталась набрать воздуха в лёгкие. Я услышал, как её подружки завизжали, когда поднятые мною предметы закружились в безумном хороводе.

- Значит, дело в том, что я не псимаг, да?!! - прокричал я в бешенстве. - А какой псимаг тебе нужен?! Думаю, класс D тебя не устроит, правда?!! Тогда, может быть, класс C? - и я поднялся в воздух на полметра.

- Хотя, "C" - это ведь тоже не очень круто?!! Лучше ведь класс B? - во мне что-то будто леденело, я чуть сосредоточился и телепортировался на два метра вверх.

Я услышал, как Мила закричала от ужаса, но остановиться уже не мог.

- Но самое лучшее - это ведь класс A??? - я взмахнул рукой, и рядом со мной появился портал. - Вот только, об одном ты не подумала! А нужна ли ты псимагу класса A?!

- ПРОЩАЙ!!! - крикнул я и вошел в созданный мною портал.

Было тихо... я стоял, а точнее висел в воздухе, над своим укромным местом, где скрытно тренировался. Опустившись на землю и смахнув лёгким усилием воли снег с поваленного дерева, я уселся на него. Сил не было, эмоций не было тоже, только одна тоскливая горечь

жгла меня изнутри. Не знаю, сколько я так просидел. Минуту, пять или полчаса.

В какой-то момент я ощутил, как рядом открылись сразу несколько порталов. Из них появились люди в комбезах, расшитых защитными рунами, и даже несколько БГСов¹⁶. Ещё через секунду на меня накинули АМС¹⁷, а затем перед моими глазами что-то вспыхнуло, и я потерял сознание.

Я очнулся в маленькой комнатухе без окон и дверей, на которую было наложено АПМ-поле¹⁸. Потом меня долго допрашивал милый женский голос. Раз пятнадцать он спросил, кто я, откуда и как меня зовут. Вопросы были странные, про какое-то задание, разведмиссию и тому подобную чушь. Это было как в дешевом шпионском фильме. В конце концов, мне стало смешно, и вместо ответа на очередной идиотский вопрос я просто рассмеялся. И тут же милый голос пропал, а в голове моей возник жуткий душераздирающий визг. Я попытался заткнуть уши, но это не помогало. В голове запульсировала жуткая боль, и я чуть не потерял сознание.

Я плохо помню, что было дальше, но, в конце концов, меня оставили в покое.

Я просидел в заключении трое суток. Допросов больше не было, еду давали три раза в день, и, в общем-то, всё было не так уж плохо.

Делать было совершенно нечего. Ни тривизора, ни компьютера, ни каких других технических приспособлений я не нашел. В первый день я просто отсыпался, а на второй более-менее пришёл в себя.

Я стал думать, чем же всё это кончится. Неизвестность пугала больше всего. Я стал припоминать законодательство Империи и прикидывать, что мне будет за то, что я натворил. Ничего хорошего мне в голову не приходило. Вторжение в разум другого человека, не важно, был он псимагом или простолюдином, каралось очень строго. Считалось, что это почти тоже самое, что и изнасилование.

Мне очень хотелось узнать, что с Милой. Я чувствовал раскаяние и вину за то, что сделал с ней. Нужно было всё же держать себя в руках. Нельзя было терять контроль.

Ещё мне было горько. Горько от осознания того, что Мила меня не любит. Этот факт просто сжигал меня изнутри. Но я считал что так мне и надо. Это было, как бы, наказанием за содеянное.

Меня бросало из одной крайности в другую. То мне хотелось расплакаться и извиниться перед ней, то наоборот я говорил себе, что она того не стоит и так ей и надо.

Наконец, на третий день, мне приказали встать в центре комнаты на появившийся красный круг и закрыть глаза.

Почувствовав неуловимый сдвиг, как будто дохнуло легким ветерком, я открыл глаза. Меня переместили в комнату немногим больше, чем моя камера, простой без изысков стол и

стул были практически единственными предметами обстановки.

За столом сидела средних лет женщина в строгом костюме со значком министерства псимагии на лацкане пиджака и простым бейджиком с надписью: "Её милость Ирина Григорьевна Руднева. Старшая следовательница". Я всё ещё находился в АПМ-поле, так что не мог почувствовать, является ли она псимагом и какова её сила.

- Садитесь, Сергей Александрович, - сказала она, указав на единственный стул у стола.

- Итак, вы, Сергей Александрович Дмитриев, - проговорила она, раскрывая лежащую перед ней папку. - Незарегистрированный псимаг, предположительно А класса. Вы обвиняетесь в сокрытии своих способностей от министерства Псимагии, нарушении Кодекса Поведения Псимагов, нанесении ущерба общественному имуществу, а также в нанесении физических и психических травм лёгкой и средней степени тяжести трём гражданам Российской Империи.

- Я ничего не упустила? - задала она риторический вопрос в пространство. Затем Ирина Григорьевна посмотрела на меня и спросила: - Вы можете что-то сказать по этому поводу? Может быть какие-то смягчающие обстоятельства? Говорите, следствие учтёт всё вами сказанное!

Я молчал, обдумывая, что же я могу сказать в своё оправдание. Последние три дня я только и думал, почему я всё это натворил и зачем вообще мне это было надо. Ответа у меня не было. Всё это было как-то совершенно глупо и бредово, что даже смешно. Наконец, я вспомнил, что ещё мучило меня все эти дни.

- Скажите, Ирина Григорьевна, что с Милой? Она очень пострадала? Травмы средней тяжести — это очень опасно?

- Вам это действительно интересно? Или вы спрашиваете только потому, что боитесь серьёзного наказания?

- Я... я не боюсь наказания, - сказал я, глядя ей прямо в глаза. - Я отвечу за всё, что совершил. Я спрашиваю потому, что она мне небезразлична... как бы глупо это сейчас не звучало.

- Да? Как же вы могли такое сделать, с девушкой, которая вам небезразлична?

Я опустил глаза и посмотрел в пол.

- Не знаю, всё это, как-то слишком быстро произошло, я просто хотел узнать, что же она обо мне на самом деле думает...

- И поэтому влезли ей в голову?

- Да, - сокрушенно подтвердил я. - Я не верил тому, что она мне сказала...

- А что она вам сказала?

- Она... она сказала, что ненавидит меня! И это после того, как я ей признался! И самое главное, она сказала, что дело в том, что я не псимаг!

- И вас это, конечно, задело, да?

- Да! Очень задело! Я просто вне себя был, сила во мне как будто закипела и...
- И вы сломали её защиту. Да ещё и защиту её подружек заодно.
- Правда? Про них я как-то даже и не подумал...
- Сергей Александрович, - устало проговорила Ирина Григорьевна, - если бы вы проходили настоящее серьёзное обучение, вы бы лучше контролировали свою Силу. А так, вы даже не заметили, что ударили по площади. И слава Богоматери, что там больше никого не оказалось, иначе жертвами стали бы и они.
- Я понимаю...
- Понимаете? Наверяд ли. Вы дикарь, и, что само прискорбное, вы очень сильный дикарь, плохо контролирующий свои способности, - Ирина Григорьевна сделала паузу, вздохнула и продолжила: - А что было дальше? После того как вы сорвали защиту с Миланы и остальных?
- Я провёл поверхностное сканирование воспоминаний. И увидел ту дурацкую сцену.
- Какую сцену?
- Там группа девочек разговаривала о парнях-простолюдинах...
- И это ещё больше вывело вас из себя?
- Да. Я совсем потерял контроль. Говорил всякую чушь, кажется, поднял в воздух скамейки и урны.
- А потом?
- Потом я открыл портал и ушел.
- И всё? Больше вы ничего не делали?
- Ничего. Мне тогда вообще ничего не хотелось делать. Даже думать.
- Хорошо. С этим всё более-менее ясно. А теперь расскажите мне, почему вы скрывали свои способности?

Я посмотрел на Ирину Григорьевну и, помедлив, ответил:

- Я не хотел уезжать в интернат.
- Да? А почему?
- Потому что хотел остаться с мамой.
- А откуда вы узнали, что вас туда заберут?
- Я... - выдавать Дениса мне не хотелось, поэтому я схитрил. - Просто знал, это ведь никакая не тайна!
- Обычно дети вашего возраста ни о чём подобном не думают. Вы, наверное, увидели, как кого-то увозят, да?

- Не помню... может быть, и видел...
- Можете не увиливать, Сергей Александрович! Мы знаем, кто помогал вам скрываться. Это был ваш друг, Денис Надеждович Лопатин. Это его вы видели уезжающим в интернат, да?
- Да, - подтвердил я, ведь отпираться дальше не имело смысла. - Что ему за это будет?
- Ему? Ничего, он, как и вы, был в таком возрасте, в котором не мог отвечать за свои поступки. В Российской Империи уголовная ответственность наступает, только с четырнадцати лет, если вы не знали.
- Хорошо, - с облегчением выдохнул я.
- Как вам удавалось обманывать проверяющих?
- Я использовал «плащ обывателя».
- В семь лет?
- Да. Денис научил меня ему, я долго тренировался и смог поддерживать его целый день. Никто ничего не обнаружил.
- У вас это превратилось в настоящий талант, Сергей Александрович! Но лучше бы вы направили свои силы на что-то более полезное Родине, - посетовала она. - Что было дальше?
- Дальше? Да ничего, я стал учиться сам, по книгам.
- Денис помогал вам?
- Иногда, когда приезжал в гости к бабушке.
- Когда вы последний раз с ним общались?
- Года два назад... кажется в августе.
- Вы сами освоили телепортацию?
- Нуу... практически сам. Денис показал мне её один раз, а потом я уже сам пытался.
- А Портал?
- Это я уже сам разобрался. Там примерно такой же принцип, просто точка фокусирования вне твоего тела...
- Понятно, - в голосе Ирины Григорьевны послышались нотки уважения. - На ком ещё вы применяли псионику?
- Да в общем, ни на ком. Иногда читал мысли мамы и сестёр, ну и бабушки.
- А на учителях?
- Нет. Пару раз пробовал, но чуть не засыпался, поэтому перестал.
- Хорошо. А на Миле?

- Нет. Она бы это сразу заметила!
- Но вы ведь помогали ей заниматься?
- Помогал.
- И она ничего не замечала?
- Нет.
- И не задавала никаких вопросов?
- Задавала, но только в самом начале.
- И как вы объясняли свою осведомлённость?
- Я сказал, что прочитал много книг по псимагии, гораздо больше, чем она.
- И она поверила?
- Да.
- Хорошо.
- Ирина Григорьевна, так что с ней? - снова задал я, мучающий меня вопрос.
- С Милой? С ней всё более-менее в порядке, специалисты говорят, что у неё лёгкий шок, но это не опасно. Если вы и правда провели только поверхностное сканирование, то, скорее всего, никаких последствий не будет. Но в том вашем состоянии утверждать что-то со стопроцентной гарантией я бы не стала.
- Нет, я не забирался глубоко! Я же сказал, я сразу наткнулся на эту сцену, а потом уже не было смысла копать дальше.
- Посмотрим. Время покажет, - ответила Ирина Григорьевна, покачав головой.
- А её подружки? Им сильно досталось?
- Ну, им в голову вы не забирались, так что они уже почти в полном порядке.
- Слава Богородице! - вырвалось у меня.
- Вернёмся всё же к вам, Сергей Александрович. Всё, что вы натворили, конечно, не является страшными преступлениями, но в сумме тянет на два-три года исправительного режима в учреждении для социально-опасных личностей с сильными псимагическими способностями. Конечно, если мы передадим ваше дело в суд, - тут Ирина Григорьевна сделала паузу и посмотрела на меня каким-то ожидающим взглядом.
- А разве, вы можете этого не делать? - задал я совершенно идиотский вопрос.
- Нууу... - протянула Ирина Григорьевна. - Если вы чистосердечно раскаетесь в содеянном и добровольно выполните наши требования, то мы можем закрыть это дело, учитывая ваш ещё незрелый возраст.

- Правда?! А какие требования?
- Во-первых, вы должны добровольно пройти проверку ваших способностей, - ответила она.
- А во-вторых, вы должны подписать вот это прошение, - Ирина Григорьевна ловко вытащила пластолист из папки и подвинула его ко мне.

Я взял пластолист и стал его быстро читать. Это было прошение от моего имени о зачислении меня кадетом в Одинцовское Военное Училище. Честно говоря, я застыл в недоумении, потом перечитал бумагу ещё раз и спросил:

- И это всё?
- Да, других требований у нас нет, - ответила Ирина Григорьевна.
- Вы думаете, что это слишком мягкое наказание? - с усмешкой добавила она. - Вы просто не знаете, что за порядки в Одинцовке. Это училище предназначено для социально-неадаптированных молодых людей с сильными и средними псимагическими способностями. Таких, как вы. Но всё же, это не исправительное учреждение, а коррекционное. Мы даём вам, Сергей Александрович, ещё один шанс. Последний шанс стать полноправным членом нашего общества и занять в нём место, подходящее вашим способностям. Воспользуетесь вы этим шансом или нет, решать вам.

Всё встало на свои места. Второй шанс. Звучит красиво, но всё же мне кажется, что эта Одинцовка - то же самое исправительное учреждение, только под другим названием. Эээх... Вот только реально, выбора у меня практически нет. Суд и приговор — это будет настоящий позор для мамы и бабушки. Да и что я потом буду делать? Куда меня возьмут с такой биографией? Ни в какой серьёзный ВУЗ не попадёшь. Да и смысл мне идти в простой ВУЗ, если я псимаг? Мне нужно учиться псимагии, а не заниматься ерундой. А как раз там меня и будут учить, да ещё и без экзаменов примут.

- Хорошо. Я подпишу прошение, - я взял протянутую Ириной Григорьевной ручку и поставил под прошением свою подпись. - Это всё?
- Нет. Теперь вы должны пройти проверку псимагических способностей, - ответила она, вставая. - Пойдёмте.

Я вышел вслед за Ириной Григорьевной из кабинета и прошёл к лифтовой шахте. Тут уже АПМ-поля не было, и я смог рассмотреть её ауру. Как я и думал, она была псимагом. Вот только сила у неё была не слишком велика, самое большее середнячка. Подойдя к шахте,

Ирина Григорьевна оглянулась и спросила:

- Левитировать умеете?
- Конечно! - ответил я.
- Тогда спускайтесь за мной, - сказала она и шагнула в пустоту шахты.

Я последовал за ней. Мы спустились этажей на двадцать пять, после чего вышли в практически такой же коридор. Прошли несколько больших железных дверей и оказались в огромном помещении, больше похожем на ангар и заполненном самым разным оборудованием, которое я видел первый раз в жизни.

Нас ждали.

Ирина Григорьевна сдала меня с рук на руки женщине помоложе.

Женщина была одета в белый халат, какие носят лаборанты, а на носу у неё были надеты очки со срезанными сверху линзами, какие часто носят учительницы. Меня подвели к чему-то похожему на огромный вертикально стоящий томограф, приказали раздеться и встать в центр. Слава Богородице, что тут стояла кабинка для переодевания, а то я бы сгорел со стыда. Из всей одежды мне оставили только что-то типа набедренной повязки, еле прикрывающей моё естество. Я встал в середину и прикрылся руками, но мне тут же приказали опустить руки и держать их вдоль бёдер.

После первого исследования было ещё множество других. Меня промучили больше часа. Чего я только не делал. Но, в конце концов, проверка завершилась.

Ирина Григорьевна всё это время наблюдала за мной. И когда мне сказали посидеть и подождать, заинтересованно смотрела за обработкой результатов. Потом она подошла ко мне и сказала:

- Пойдём. Теперь я отвезу тебя в Одинцовку.
- Даже с мамой не дадите попрощаться? Она вообще знает, где я? - спросил я несколько возмущённо.

Ирина Григорьевна остановилась. Посмотрела на меня, покачала головой и сказала:

- Пожалуй, я могу разрешить тебе повидать её. Не нужно думать, что Министерство настолько жестоко.
- Протяни правую руку! - приказала она мне.

Когда я это сделал, на мою руку быстро надели браслет из серебристо-белого металла.

- Это следящее устройство, - пояснила она. - Пойдём!

Ирина Григорьевна повернулась и пошла назад по коридору, на ходу объясняя:

- В принципе, ты можешь попытаться его снять, но это будет означать, что ты разрываешь наше соглашение.

В этот момент мы вышли в большой почти пустой холл, с несколькими охранницами в форме министерства, стоящими у выхода. Ирина Григорьевна кивнула охране и, повернувшись ко мне, сказала:

- Я дам тебе время до утра. Утром в 8:00 ты должен быть в приёмной, или тебя объявят в розыск. Можешь идти.

- Спасибо! - сказал я, кивнув и улыбнувшись. - Завтра в восемь я должен быть здесь? Хорошо.

- Всё правильно, - ответила она утвердительно.

Я не стал больше ничего говорить, повернулся к дверям и вышел на улицу не оборачиваясь.

Как я и думал, я был в Царьграде¹⁹. Огромный комплекс зданий Министерства Псимагии²⁰ высился за моей спиной. Я поднял голову и посмотрел в небо, закрытое защитным куполом²¹.

В вышине пролетели несколько флаеров²², а по ближайшей дороге то и дело проносились большие грузовые мобили²³.

Я осмотрелся в поисках портала метро. Прямо передо мной лежала лужайка перерезанная дорожкой вымощенной красной плиткой. Дорожка выходила на широкий бульвар с довольно слабым движением.

Направо от меня метрах в трёхстах высилось здание Имперского Банка, а налево — бульвар упирался в парк перед Императорским Дворцом.

Дворец поражал своим величием. Это был самый высокий и красивый комплекс зданий в Царьграде. Нам показывали его вблизи, когда водили сюда на экскурсию, но сейчас я решил, что не стоит к нему приближаться.

Я просто постоял и посмотрел на его изящные высокие башенки и купола. Ведь неизвестно ещё, когда мне посчастливится сюда попасть ещё раз. Просто так в Царьград не пускали, только по делу или с экскурсией стоившей немало денег.

Минут пять или десять я постоял, смотря на императорский дворец, после чего вздохнул и отправился в другую сторону, к Имперскому Банку. Там рядом, если я правильно помнил, точно была одна из станций метро.

Я шёл и смотрел по сторонам. Всё же Царьград был красив даже зимой. Тут не было снега, а температура держалась около 15 градусов Цельсия. Каждое здание было шедевром

архитектуры и идеально вписывалось в городской пейзаж. Мне даже захотелось просто побродить здесь, но мысль о том, что дома меня ждёт мама и волнуется, не позволила мне осуществить моё желание.

Я прибавил ходу и через десять минут нырнул в портал метро.

Сделав несколько прыжков на царьградском метро я добрался до входных ворот²⁴, где мне пришлось предъявить браслет, чтобы меня выпустили. Потом ещё чуть больше прыжков уже на московском метро, и я оказался рядом с домом. Проходя тем самым заснеженным парком, я подумал, что стоит посмотреть на место, где всё это случилось.

Никаких следов моего буйства там не обнаружилось. Скамейки и урны стояли на своих местах, я даже остаточных аур не нашел, похоже, что кто-то всё тщательно почистил.

«Ну и ладно!» - подумал я про себя и пошёл дальше.

* * *

Мама встретила меня со слезами. Оказалось, что к ней приходили из полиции и сказали, что я задержан за злостное хулиганство. При этом ей задали огромное количество странных вопросов, вроде: "Кто мой отец?", "Уверена ли она, что я её сын?" и тому подобных. Пришлось мне всё ей рассказать.

Известие, что я псимаг, было встречено оханьем и аханьем. Ссора с Милой не вызвала практически никаких маминых эмоций, единственное, что было мне сказано: "А, ерунда! Поссорились - помиритесь! Какие ваши годы!" Больше всего маму взволновала отправка меня в военное училище, тем более, что ещё и бабушка стала причитать: "Да как же ты там? Да ты там пропадёшь!" и так далее... В общем, мама с бабушкой весь вечер собирали мои вещи, и при этом бабушка постоянно бурчала, что, когда она была ещё девчонкой, мужчин вообще в армию не брали, а сейчас, ишь придумали, забрать у неё единственного внука! Мама ей только поддакивала и периодически плакала.

Бабушку понять было можно. У неё никогда не было мужа, и даже маму она родила после посещения спермобанка. Я был первым мужчиной в нашей семье за три поколения и теперь уезжал непонятно куда.

Легче всего к произошедшему отнеслись мои младшие сестрёнки, они только и делали, что просили меня показать что-нибудь "Такое!". Настроения заниматься фокусами не было, так что пришлось терпеть их нытьё. В конце концов, мама прогнала их спать.

Ночью я спал плохо. Меня мучила неизвестность. Но, в конце концов, я заснул и проспал

до утра без сновидений.

Утром выяснилось, что мама с бабушкой собрали мне три огромных сумищи, как будто я отправлялся не в подмосковное училище, а как минимум в Антарктиду. Времени потрошить сумки не было, так что я просто оставил две из них дома, что вызвало у них чуть ли не слёзы. И всё же, несмотря на все усилия родных женщин, в восемь утра я стоял в холле министерства псимагии.

Ирина Григорьевна появилась в 8:10. Увидев меня, она удовлетворённо кивнула и подозвала меня взмахом руки. Как только я подошёл, она повернулась и пошла вглубь здания. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Мы прошли несколько дверей подряд, и тут Ирина Григорьевна остановилась и сказала:

- Тебе сюда. Постарайся долго не копаться.

Я кивнул и, толкнув дверь рукой, зашел.

За дверью обнаружился небольшой холл, с несколькими окошечками. Девушка в ближайшем окошке окликнула меня, назвав моё имя и фамилию. Когда я подошёл, мне был вручён новенький псипаспорт, а взамен у меня забрали старый общегражданский. Ещё несколько росписей на бумагах, и я вышел обратно. Ирина Григорьевна посмотрела на меня вопросительно, я показал ей псипаспорт²⁵, она кивнула, и мы отправились в Одинцово.

<http://tl.rulate.ru/book/8884/167082>